

В течение следующих нескольких дней они вдвоём бегали по городу Лунцюань.

Отправившись в центр, где учился Лу Жун, они сели рядом с маленькой игровой площадкой, там Лу Жун рассказывал интересные истории из детства. Сейчас летние каникулы, в школе никого нет. Лу Жун продолжал говорить, пока Шэнь Цзицзе серьёзно слушал и смотрел через стеклянное окно на парту, за которой когда-то парень сидел.

Находясь в трансе, он, казалось, вновь стал четырнадцатилетним: он не встретил Толстяка Чэня, а последовал указаниям босса, нашёл эту начальную школу, а затем — тот класс, стоял бы у окна и с первого взгляда узнал Лу Жуна. Маленький мальчик наклонился и делал домашнее задание, казалось, он тоже что-то почувствовал, повернул голову и посмотрел на стеклянное окно, его глаза засияли ярче звезд...

"...Я забыл принести домашнее задание, но это был последний раз, когда меня наказывали," — как только Лу Жун закончил говорить, повернулся и заметил ошеломленного Шэнь Цзицзе. Выражение лица было очень странным, одновременно нежным и немного меланхоличным.

"Гэгэ, о чём думаешь?" — Лу Жун протянул руку и потряс ею перед чужим лицом.

Шэнь Цзицзе схватился за руку, шепча: "Я сожалею, я сожалею, что мы упустили так много времени."

Лу Жун сделал паузу, наклонился вперёд, опершись на руки.

"Нет, думаю, всё в порядке, — он вновь уставился на подбородок Шэнь Цзицзе, — в конце концов, мы теперь вместе, и я очень-очень рад этому."

Он повторял слово «очень» дважды, его тон казался очень торжественным. Шэнь Цзицзе опустил голову и поцеловал его в лоб, крепко обняв.

В тихом кампусе слышалось только щебетание птиц вдалеке и тихий шелест листы из-за ветра. Через некоторое время Шэнь Цзицзе тихо сказал: "Я тоже очень-очень рад."

Пока Шэнь Цзицзе готовил ужин, Лу Жун вышел поболтать со своим дедушкой во двор. Было приготовлено четыре блюда, и все они получились очень вкусными. Дед Цай не скупился на похвалу, уделив время также на критику Лу Жуна, не умеющего готовить.

"Я не умею готовить, потому что ты меня избаловал," — Лу Жун прикусил палочки для еды, сказав.

Дедушка Цай печально произнёс: "Да, сейчас я сожалею, я должен был научиться отказывать тебе."

Шэнь Цзицзе подал дедушке Цай тарелку супа, с улыбкой сказав: "Дедушка, не волнуйся, если он проголодается я приготовлю для него."

"Эй, парень, ты будешь готовить для него всю жизнь? — Дед Цай не воспринял это всерьёз. — Жун-Жун, с завтрашнего дня ты будешь учиться готовить, не говоря уже о том, чтобы жить самостоятельно в будущем. Даже если ты сейчас живешь со своим гэгэ, ты же помнишь, что он много работает, разве ты не должен тоже больше работать?"

"Всё в порядке, дедушка, я обещаю, что буду готовить для Жун-Жуна всю жизнь," — проговорил Шэнь Цзицзе ровным тоном.

Дедушка Цай думал, что тот старается его подбодрить, но сердце Лу Жуна подпрыгнуло, он опустил голову, принимаясь отчаянно месить рис, лишь изредка поглядывая на Шэнь Цзицзе поверх миски.

Он не ожидал, что Шэнь Цзицзе тоже будет смотреть на него с улыбкой в глазах, в тот момент, когда их взгляды встретились, он молча написал иероглифы: "Жена".

Миска в руке Лу Жуна чуть не выскользнула, он поспешно взглянул на дедушку Цая, увидев, что тот опустил голову и ковыряет овощи, не заметив их действий, у парня тут же отлегло. Он вытянул ногу, спрятанную под столом, и легонько пнул человека, сидевшего напротив. Неожиданно, как только он выпрямил ногу, Шэнь Цзицзе зажал его ступню обеими ногами.

Лу Жун попытался дважды вырваться, но ничего не вышло, он не осмелился применить силу. Заметив, что дед Цай собирается встать и пойти на кухню, он быстро изменился в лице, ведь тот точно увидит их, когда будет проходить мимо. Лу Жун жалобно попросил Шэнь Цзицзе: "Муж..."

Шэнь Цзицзе наконец открыл импровизированную клетку, грациозно отпустив ноги. Лу Жун быстро опустил голову, размешивая рис и не осмеливаясь больше делать никаких лишних движений.

После еды Шэнь Цзицзе пошел мыть посуду, а Лу Жун остался во дворе, массируя дедушке Цая плечи и ноги.

"А-Цзе считается гостем, почему ты позволяешь ему мыть посуду? Иди скорее и помоги своему гэгэ, — дед Цай ткнул Лу Жуна в руку, сказав. — Он так усердно работает дни напролёт и редко отдыхает. Если бы ты мог больше работать, сделал бы гораздо больше для него, а ты просто ленишься."

Лу Жун улыбнулся и сказал: "Я понял."

Он прокрался на кухню и увидел Шэнь Цзицзе, стоящего у раковины в фартуке. Из-за его высокой фигуры кухня казалась ещё меньше, и, казалось, повернуться стало ещё труднее.

"Бу!" — Лу Жун закричал изо всех сил, бросился вперёд и повис на спине Шэнь Цзицзе. — Испугался? Я тебя напугал?"

Шэнь Цзицзе решительно сказал, не оборачиваясь: "О, это напугало меня до смерти."

Он быстро вымыл миску, руки под короткими рукавами футболки казались сильными, на светло-коричневой коже виднелись капли воды.

"Иди отдохни, я помою посуду," — Лу Жун положил подбородок ему на плечо, обошёл вокруг, касаясь руки и потирая её.

"Почему ты так улыбаешься? Не отвлекай меня от дел, уходи и не мешайся," — Шэнь Цзицзе притворился нетерпеливым, но в уголках его рта появилась улыбка.

Лу Жун мягко сказал: "Но я хочу помочь тебе."

Шэнь Цзицзе остановил мытьё посуды, а затем внезапно повернулся и, прежде чем Лу Жун успел среагировать, прижал к стене, яростно целуя.

Вода в раковине продолжала литься, и между этим слышался липкий чавкающий звук. К тому времени, как долгий поцелуй закончился, ноги Лу Жуна были такими слабыми, что он едва мог стоять. Шэнь Цзицзе одной рукой придерживал его спину, другой вытирал слюну с губ, говоря глухим голосом: "Иди лучше к бабушке, а то мы никогда не закончим мыть эту миску."

Лу Жун вышел из дома в оцепенении. Как только он вышел из двери кухни, заметил мелькнувшую фигуру у входа: кто-то всего секунду назад выбежал из дома во двор.

Его разум мгновенно прояснился, лицо побледнело, и он застыл на месте.

— Кроме него и Шэнь Цзицзе, в этом доме есть лишь бабушка Цай.

Лу Жун поспешно выбежал из дома, вновь резко затормозив. Дед Цай, с головой погружённый в очистку нежной скорлупы грецкого ореха, сидел спиной к нему под деревом гинкго, держа в руках фарфоровую чашу.

Он глубоко вздохнул, медленно подошел к деду, подтащил маленький табурет, сел и

внимательно посмотрел на выражение его лица. Дедушка Цай не издал ни звука, заходящее солнце освещало его изборожденное морщинами лицо, он выглядел очень спокойным.

"Дедушка," — Лу Жун сглотнул слюну, с трудом выговаривая слова.

"В чём дело?" — Тон Цая не показался ему странным, тот поднял голову и взглянул на него.

Похоже, дедушка только что не видел их... Лу Жун втайне был благодарен, слабо облегчённо вздыхая. Если бы дед увидел это, он бы просто воспользовался ситуацией и рассказал ему об их отношениях, но поскольку тот ничего не видел, у него не хватило смелости вновь открыть рот.

"Если вы закончили, отдохните пораньше. Отпуск скоро закончится, и вы с А-Цзе скоро улетите в столицу," — дедушка Цай продолжал чистить скорлупу мускатного ореха, от легкого движения его грубых пальцев скорлупа треснула, обнажив орех внутри.

Лу Жун, услышав это, остро почувствовал, что что-то не так. Он же говорил дедуле, что завтра они вместе поедут в столицу, почему же сейчас он упомянул только его и гэгэ? Он спросил: "Дедушка, ты не поедешь в столицу?"

"Я не поеду. Видите ли, Сяо Гао становится старше. Я не хочу отдавать его в чужие руки, он будет страдать и скучать по нам," — Цай не смотрел в лицо Лу Жуну, а опустил глаза, говоря.

"Мой гэгэ получил разрешение на перевоз Сяо Гао, так что он может сесть в самолет. Не в багажное отделение, он сядет с нами в салоне. Ему это не навредит, — Лу Жун был встревожен, его голос стал громче. — Дедушка, почему ты отказываешься, мы же договорились, что ты поедешь вместе с нами."

"Дедушка становится старше, поэтому он больше не хочет выходить из дома," — беспечно сказала Цай.

Лу Жун встревожился, дядя Бай однажды пообещал ему, что даст дедушке несколько лекарств, продляющих жизнь, и хотя они не позволяют жить вечно, обычные люди могут быть здоровы в течение десятилетий. Он даже приставал и просил дядю Бая, с каменным лицом, дать Сяо Гао что-нибудь подобное. В этой поездке в столицу, он планировал позволить дяде Баю сохранить здоровье деда, а затем жить вместе и никогда не разлучаться.

Лу Жун внезапно встал, желая сказать: "Нет, я беспокоюсь, что ты останешься здесь один, ты и Сяо Гао должны поехать со мной в столицу," — но когда его взгляд упал на руку дедули, лежащую в белой фарфоровой чашке, слова внезапно застряли у него в горле.

Дед Цай по-прежнему склонял голову и очищал мускатный орех от скорлупы. На его лице не было ничего странного, но руки продолжали дрожать, с дрожью он вынимал мускатный орех из скорлупы. Очевидно, его истинное настроение не отражалось на лице, на самом деле, он не так

спокоен.

В мозгу Лу Жуна раздался громкий взрыв, и в его сердце пришло озарение. Оказывается, дедушка всё видел, он только что видел ту сцену и знал об их с гэгэ отношениях.

"Дедушка, я... я..." — Пробормотал он с бледным лицом, не в силах произнести ни слова.

Дедушка Цай внезапно встал, фарфоровая миска, стоявшая у него на коленях, с грохотом упала на землю, и орехи рассыпались. Он тоже не поднял миску, лишь поспешно отвернулся и сказал: "Я вернусь в свою комнату отдохнуть."

Лу Жун наблюдал, как спина дедушки исчезает у входа на лестницу, и стоял неподвижно в изумлении, только Сяо Гао медленно подошёл, посмотрел на рассыпанный по полу орехи и вновь поднял на него глаза, подозрительно виляя хвостом.

"Жун-Жун, пойдём поможем дедушке собрать вещи, — Шэнь Цзицзе потянул к нему мокрую руку и, увидев горох, остановился. — В чём дело? Что случилось?"

Лу Жун всё ещё смотрел в сторону лестницы, его глаза были полны паники, а к лицу хлынула кровь.

Шэнь Цзицзе пришёл в ужас, шагнул вперёд, схватив его за руку, с тревогой спрашивая: "Что случилось? Почему у тебя такое лицо? Где дедушка?"

"Дедушка... — Лу Жун, казалось, пришёл в себя и медленно перевёл взгляд на Шэнь Цзицзе, — гэгэ..."

"Твой гэгэ здесь, не паникуй, что бы ни случилось, твой гэгэ будет здесь."

Губы Лу Жуна задрожали: "Дедушка знает о нас."

Ночью Лу Жун свернулся калачиком в объятиях Шэнь Цзицзе, как маленький зверёк, тот поглаживал его по спине.

"Дедушка какое-то время не сможет это принять, всё в порядке, не торопись," — тихо сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун закрыл лицо руками, его голос звучал гнусаво: "Но он не поедет с нами в столицу завтра."

Шэнь Цзицзе сказал: "Тогда мы не поедем завтра, я поменяю билеты. Когда нам удастся

уговорить дедушку, мы же можем поехать?"

Лу Жун покачал головой: "Через два дня ты отправишься вместе со съемочной группой продвигать новый фильм. Ты не можешь провести это время здесь."

"Достаточно режиссера и других актеров. Неважно, пойду я или нет. Главное — дедушка."

Лу Жун поднял голову, говоря: "Тогда останусь только я, просто побуду с дедушкой. Ты не можешь пренебрегать своей работой."

Шэнь Цзицзе на мгновение заколебался: "Всё будет в порядке?"

"Да, чтобы дедушка не расстроился ещё больше, увидев нас вместе."

"Хорошо, я вернусь за тобой, как только закончу."

В тишине ночи он слышал только жужжание электрического вентилятора, повернув голову, Лу Жун печально вздохнул и закрыл глаза.

Рано утром следующего дня Шэнь Цзицзе взял чемодан и спустился со второго этажа вместе с Лу Жуном. Дедушка Цай, как обычно, хлопотал на кухне, на столе стояли две миски с дымящейся яичной лапшой.

Они вдвоём сели за стол и приступили к завтраку, ни один из них не осмеливался произнести ни слова, а только внимательно смотрели друг на друга.

Лу Жун моргнул и, глядя на Шэнь Цзицзе, жестом показал ему смотреть на миску с лапшой перед ним: "Дедушка всё ещё готовит нам завтрак, так что он не должен быть таким сердитым, как мы думали."

Шэнь Цзицзе взял палочку для еды, протянул ему и удивленно посмотрел на него: "Вкусно, но не солено."

Лу Жун, стоя на кухне за спиной дедули, указал подбородком на чемодан рядом с Шэнь Цзицзе: "Когда закончишь есть, попрощайся и иди, не оставайся надолго и не зли его."

Шэнь Цзицзе спокойно кивнул, показывая, что понял, затем повернулся и крикнул Цаю: "Дедушка, ты хочешь, чтобы я что-нибудь взял? У меня ещё есть место в чемодане."

Лу Жун был потрясен и протянул руку, чтобы прикрыть чужой рот, когда дед Цай встал перед раковиной, сполоснул руки и, не поворачивая головы, сказал: "Мой багаж был собран вчера

вечером. Нужно только положить свинину, я не знаю, когда именно вернусь. Мясо не должно испортиться, так что возьмём его в столицу."

"Что ж, хорошо," — Шэнь Цзицзе был ошеломлен, закончив отвечать, он посмотрел на Лу Жуну с полуоткрытым от изумления ртом.

Лу Жун тоже остался своим месте, как дурак. Через несколько секунд он вскочил и громко спросил: "Дедушка, ты поедешь с нами в столицу?"

Дед Цай вытер руки сухим полотенцем и спросил: "Пока вы, двое, беспокоитесь обо мне, старике, ваша работа откладывается."

"Ах, ах, ах!!" — Лу Жун непрерывно кричал, как ветер ворвавшийся на кухню, он обнял деда Цая и бессвязно говорил. — Дедушка, ты такой добрый, дедушка, я так сильно люблю тебя, дедушка, я так счастлив."

После этих слов у него заплыли глаза, он уткнулся лицом в шею дедуле и прошептал сдавленным голосом: "Дедушка, прости, я не хотел тебя расстраивать."

Через некоторое время Цай протянул руку и коснулся макушки Лу Жуну: "Глупый малыш, несмотря ни на что, ты — ребёнок дедушки. Пока ты живешь хорошо, дедушка будет доволен."

Лу Жун посмотрел на дедушку и увидел, что его старые глаза красные, очевидно, прошлой ночью у него была ожесточенная идеологическая борьба. Но даже если он не был этим доволен, в конце концов сдался, потому что больше всего на свете ему не хотелось огорчать Лу Жуну.

Шэнь Цзицзе стоял в дверях кухни, молча глядя на них обоих, а затем через некоторое время тихо сказал: "Не волнуйся, дедушка, я тебя не подведу."

Дед Цай посмотрел в сторону, и Шэнь Цзицзе встретился с ним взглядом, не отводя глаза, в них лилась через край уверенность. Цай беззаботно вздохнул: "Давайте, выкладывайте то, что хотели, скоро отправляемся."

Дедушка Цай знал, что, хотя Лу Жун и сказал, что просто забирает его погулять, на самом деле хотел увезти старика в столицу навсегда. Мебель и электроприборы из этой комнаты нельзя было вынести, поэтому их накрыли тканевыми простынями.

"Следующим летом вернёмся сюда и отдохнём, — Цай запечатал все большие банки с кимчи, сказав Лу Жуну. — Главное — банки с маринадом. Пока она запечатана, она не испортится, даже если хранить её здесь несколько лет. Ты любишь есть кимчи, приготовленное дорогим дедушкой. Я запечатал большую банку и ещё возьму маленькую в столицу и продолжу готовить кимчи для тебя."

Лу Жун лишь часто кивал, а дедушка Цай соглашался со всем сказанным, его глаза сузились в улыбке.

"Два любящих человека должны быть внимательны друг к другу. А-Цзе хорошо к тебе относится, но ты слишком капризный, не рань его чувства, хорошо?" — Цай опустил голову и закрыл крышку банки, одними губами произнеся.

На сердце у Лу Жуна стало тепло, и он тут же ответил: "Я знаю, я буду добр к своему гэгэ."

После прибытия грузовика, отправленного Шэнь Цзицзе, они втроём погрузили все большие сумки с багажом в машину, взяли Сяо Гао, заперли дверь и отправились в аэропорт.

Утром прошёл сильный ливень, и поверхность шоссе все еще оставалась слегка скользкой, а в некоторых утопанных местах был тонкий слой воды. Когда колеса проезжали на высокой скорости, возникало лёгкое скольжение.

"Господин, мы никуда не спешим, ведите машину медленно, безопасность превыше всего," — дедушка Цай не удержался и напомнил водителю.

Водитель улыбнулся и сказал: "Не волнуйтесь, я езжу только со скоростью 80 км/ч, это очень безопасно."

Лу Жун и дедушка Цай сидели на заднем сиденье, а посередине лежал Сяо Гао, Шэнь Цзицзе же занял пассажирское сиденье возле водителя, время от времени поворачивал голову, спрашивая у них, не хотят ли они попить воды или пойти прогуляться.

Когда он вновь хотел обернуться, грузовой автомобиль внезапно сбавил скорость, и водитель удивленно сказал: "Впереди, кажется, авария."

Они видели, что недалеко от них часть ограждения была выбита, а дорога усеяна осколками стекла и несколькими выброшенными предметами одежды. На лужайке за ограждением лицом к небу лежал внедорожник, из кузова которого поднимались струйки белого дыма. Двое молодых людей, мужчина и женщина, задыхаясь и громко кашляя, вылезли из окна машины.

Водитель, полный энтузиазма, увидев это, быстро припарковал машину на аварийной полосе и вытащил из багажника дорожный знак. Шэнь Цзицзе открыл дверцу машины, как только припарковался, и быстро перелез через ограждение. Дедушка Цай и Лу Жун также быстро вышли из машины.

Молодые люди уже выбрались из машины и, не обращая внимания на кровь, бросились к обрыву.

"Он был там, выбросился из окна машины и повис на дереве, — мужчина, указывая вниз,

взволнованно закричал, а женщина опустилась на колени и, опустив голову, закричала: "Малыш, держись, мама сейчас спустится и спасёт тебя."

Шэнь Цзицзе быстро подбежал к краю лужайки, опустил голову и увидел всего в нескольких метрах от него стволы деревьев, вытянутых горизонтально на скале и держащих маленького ребенка, завернутого в пеленки. Малыш махал двумя маленькими ручонками, закрыв глаза и плача. А ещё дальше, внизу, глубокая долина высотой более ста метров.

Водитель примчался и был потрясен, увидев эту сцену: "Поторопитесь и позвоните в полицию, поторопитесь."

Отец оглядел окружающую местность, присел на корточки, будто собирался прыгнуть, водитель тут же схватил его за руку: "Ты что, с ума сошёл? На этом утесе даже наступить негде, ты обязательно сорвешься вниз."

"Но, мой малыш, ребёнок ведь двигается, он скоро упадёт," — лицо отца казалось бледным и искренним.

"Я сейчас же позвоню в полицию, не будь импульсивным, не будь импульсивным."

Отец, обхватив голову окровавленными руками, скорчился от боли и, всхлиывая, спрятал лицо между ног.

"Отпусти меня, я не упаду, отпусти меня," — мать держалась руками за край обрыва и собиралась соскользнуть вниз.

Шэнь Цзицзе, имея зоркие глаза и быстрые руки, схватил её за запястье и резко сказал: "Не двигайся, иначе ребёнка не смогут спасти, и ты тоже упадёшь."

Плач ребёнка стал ещё более душераздирающим, пелёнки сорвались с малыша, две толстые ножки отчаянно сопротивлялись, а тельце медленно сползло вниз.

"Малыш!" — Мать вскрикнула и, обмякнув, упала на землю с закрытыми глазами.

В тот момент над краем обрыва промелькнула белая тень, стрелой устремившаяся к малышу, висевшему на стволе.

Это был белый олень. Можно было видеть, как его четыре копыта опасно ступали по скале, серебряные рога подхватили ребёнка за одежду, затем он подпрыгнули, как перышко, и помчался вверх по скале.

Мать, рухнувшая на землю и опустившаяся на колени, начала прижимать к себе что-то

тяжелое.

Затем белый олень быстро повернулся направо, на его ногах вспыхнул красный свет, а серебряные рога стали похожи на два больших коралла. Прыгнув на склон холма, он исчез.

Только Шэнь Цзицзе и водитель видели это, но водитель даже не подумал подойти и посмотреть на произошедшее потому что мать, лежавшая на земле, внезапно закричала: "Малыш! Ребёнок у меня на руках, он спасён!"

Малыш, минуту назад висевшая на дереве, лежала у неё на коленях и плакала, приоткрыв свой маленький ротик. Мать в слезах обнимала ребёнка, дрожа от волнения, а отец в шоке поднял голову, на его лице была написана радость, он, пошатываясь, шагнул вперёд и заключил мать и сына в объятия.

Шэнь Цзицзе оглянулся и увидел деда Цая, стоящего рядом с грузовиком. Лу Жун подбежал к нему, всё ещё склонив голову и приводя в порядок свою одежду.

Под радостные крики всей семьи водитель спросил Шэнь Цзицзе, глядя ему прямо в глаза: "Ты это видел? Ты видел это? Кажется, я увидел белого оленя, спасшего ребёнка."

Шэнь Цзицзе решительно заявил: "Нет, это не так. Вы неправильно поняли. Кто-то взял верёвку и спустился вниз, чтобы поймать ребёнка."

"Тогда что насчёт этого человека? Рядом его не было в тот момент," — водитель огляделся и увидел лишь Цая и Лу Жуна, стоявших на аварийной полосе.

"Я видел, как он быстро спустился и поднялся, сел за руль и уехал," — Шэнь Цзицзе безучастно нёс какую-то чушь.

"Но я.. но я ясно видел оленя с рогами на голове..."

Шэнь Цзицзе спокойно отверг его предположение одним лишь взглядом: "Нет! Вы что-то неправильно поняли!"

"На самом деле неправильно..."

"Пойди и проверь свои глаза, либо у тебя близорукость, либо ты слепой."

"Я..."

"Либо же в последнее время у тебя были плохие дни, и на тебя давили, потому появились

галлюцинации, расслабься и сделай глубокий вдох вместе со мной. Вдох, выдох, вдох, выдох... Тебе лучше?"

"...лучше."

В это время Лу Жун стоял рядом с дедулей в непринужденной обстановке.

До этого он бросился к ближайшей кучки грязи и, спрятавшись за ней, превратился в оленя, спас ребёнка, затем помчался обратно к грязи, дабы перевоплотиться обратно, оделся и вернулся сюда. Хотя эта серия действий была быстрой, дед Цай должен был видеть всё это, непонятно, заметил ли он что-нибудь.

Лу Жун не осмеливался спросить, он слышал биение своего сердца, в горле першило так, что верхняя и нижняя стенки слипались.

Цай тоже молчал, только смотрел на семью, которая обнималась и плакала, пока Лу Жун немного запыхался, он сказал: "Жун-Жун."

"Да?" — Ответил Лу Жун.

Его голос был глухим, будто в горло попал песок, и из-за того, что дедушка мог сказать дальше, его руки и ноги стали ватными.

Дед Цай обернулся и посмотрел на него. В его взгляде были ясность и осмысленность, но не было страха или отвращения, которые он больше всего боялся увидеть. Встретив такой пристальный взгляд, Лу Жун подумал только об одном: дедушка действительно всё знает...

Цай медленно подошёл, протянул руку, чтобы пригладить спутанные пряди волос Лу Жуна, и прошептал: "Хороший мальчик, дедушка в глубине души знал это, не волнуйся."

"О, я понял," — разум Лу Жуна был подобен пластиковому шарик, он реагировал лишь механически.

На лице дедушки, скрытом морщинами, мелькнула лукавая улыбка, он произнёс: "Когда ты был маленьким, дедушка пару раз видел, ты думал, что дома никого нет, поэтому перевоплощался также."

Заржавевшие мозги Лу Жуна наконец-то начали работать, и, вспомнив его слова, был потрясён, посмотрев на человека рядом: "Дедушка, я..."

"Когда деревня рушилась, именно ты спас дедушку, верно? — Кажущиеся старыми и мутными глаза дедули пронизательно блеснули. — На самом деле, дедушка в то время был не совсем без

сознания, и он мог видеть твою тень. На меня чуть не упал булыжник, но ты оттолкнул меня."

"Дедушка, я.. я..."

Лу Жун был поражен тем фактом, что дедушка давно знал, что он может превращаться в оленя. Застигнутый врасплох, он был настолько ошеломлен, что не мог даже слова вымолвить.

Цай, пригладив одежду на нём, тихо вздохнул: "Жун-Жун, не волнуйся, кем бы ты ни был, ты хороший внук дедушки и мой ребёнок."

После прибытия спасательной машины, несколько человек вернулись в машину и продолжили путь до аэропорта.

В наступившей тишине водитель продолжал спрашивать Шэнь Цзицзе, не сдаваясь: "Это действительно не олень? Разве это не он?"

"Нет, не он, — сказал он. — Кто-то уехал и остановился, чтобы помочь," — Шэнь Цзицзе что-то печатал на своём телефоне и беззаботно произнёс.

"Я тоже это видел. Мужчина двигался очень быстро, а машина неслась как ветер, так что у меня даже не было времени рассмотреть её," — внезапно добавил дедушка Цай с заднего сиденья, его тон был неторопливым.

Шэнь Цзицзе, постукивающий пальцем по телефону, быстро обернулся и посмотрел назад. Лу Жун ничего не ответил на его пристальный взгляд, только улыбнулся и подмигнул. Он вновь посмотрел на Цая и увидел, что тот откинулся на спинку стула с закрытыми глазами и спокойным лицом.

Шэнь Цзицзе отвернулся и продолжил возиться со своим мобильным телефоном, но на его лице застыла незаметная улыбка.

"Неужели у меня действительно галлюцинации..." — Водитель покачал головой.

Шэнь Цзицзе торжественно сказал: "Всё в порядке, просто вернись и немного поспи. Возможно, ты слишком устал."

"Верно, посплю немного, когда вернусь," — пробормотал водитель.

Грузовой автомобиль плавно подъехал к аэропорту, солнце, наконец, выглянуло из-за облаков и озарило ярким золотистым светом.

Полгода спустя.

"Да, не ищите меня в этом месяце. Я только закончил съемки в этом фильме. Мне нужно отдохнуть со своей семьей, поговорим о работе через месяц," — Шэнь Цзицзе протащил тяжелый чемодан и открыл дверь своей виллы, говоря по телефону.

Его вилла отличается от других вилл в этом сообществе: двор засажен не цветами и растениями, а рассадой овощей, по краям стоят стеллажи с моющими средствами, большой сад превратился в большой огород. Там сидели на корточках два человека, которые возились на овощном поле, со спины они напоминали дедушку Цая и Ван Ту.

Услышав движение у двери, дедуля поднял голову и, всё ещё держа в руке черпак для воды, радостно сказал: "А-Цзе вернулся."

Ван Ту тоже выпрямился и произнёс: "Я думал ты прилетаешь завтра днём, так как Жун-Жун настойчиво требовал забрать тебя."

Шэнь Цзицзе втащил чемодан внутрь, и дверь во внутренний двор за ним автоматически закрылась. Он с улыбкой объяснил: "Команда вернётся завтра днём, а я не мог больше ждать, поэтому вылетел раньше."

Цай поставил черпак с водой и собрался было поднять его чемодан, когда Шэнь Цзицзе поспешно сказал: "Дедушка, оставь, я не устал."

Ван Ту развернулся и пошёл в дом: "Шисюн готовит обед, пойду попрошу его приготовить ещё два блюда."

"А-Цзе любит есть холодные овощи, я приготовлю, ему ведь нравится вкус моей стрепни," — дед Цай тоже поспешно последовал за ним с улыбкой на лице.

Всё это время Бай Чжи ухаживал за телом дедушки Цая, давая ему некоторые ценные лекарства. Седые волосы дедули начали чернеть, а его фигура заметно окрепла. Даже Сяо Гао это пошло на пользу: раньше он целыми днями неподвижно лежал в будке, но теперь радостно носится туда-сюда.

Шэнь Цзицзе перетащил чемодан в большую гостиную. Он не увидел Лу Жуна, только слышал громкий разговор дедушки Цая, Ван Ту и дяди Чэнь из кухни. Он потащил чемодан в свою с Лу Жуном спальню на втором этаже, но никого не обнаружил, поэтому поставил чемодан, поднялся по лестнице на третий этаж.

На третьем этаже находится веранда с односторонним остеклением со всех сторон. Обычно, когда Лу Жун чувствует себя хорошо, приходит погреться сюда.

Шэнь Цзицзе, поднимаясь по лестнице, услышал яростный рок-н-ролл. Когда он вошёл в солнечную комнату, перед ним предстала такая сцена: белый олень в солнцезащитных очках лежал на спине в шезлонге, обернув вокруг талии банное полотенце, и с комфортом наслаждался солнцем.

Его передние копыта удобно покоились на затылке, задние — на коричнево-жёлтой меховой подушке, копыта ритмично покачивались в такт музыке.

Меховой коврик, казалось, услышал движение у входа на лестницу и посмотрел на Шэнь Цзицзе. Это оказался расстроенный Сяо Гао.

С левой стороны от белого оленя лежал телефон, проектор и пульт дистанционного управления звуком, а с правой стороны — небольшой столик со стаканом сока и тарелкой с нежными листьями.

Нежные и сочные листья тщательно вымыты, на первый взгляд казалось, что дед собрал их в лесу в горах.

Если бы Шэнь Цзицзе не знал, где находится веранда, заподозрил бы, что прибыл на Мальдивы.

С тех пор как Лу Жун узнал, что дедушка знает его тайну, полностью расслабился, больше не скрывался и время от времени становится оленем дома. Дедуля, огорчённый тем, что в течение многих лет ребёнок не осмеливался есть листья, только тайком, стал каждое утро ходить к подножию горы и собирать самые свежие листья на закуску.

Лу Жун качал головой и прислушался к песне, мысленно подсчитывая, сколько дней его гэгэ был на съёмках. На этот раз тот отправился в другую страну, чтобы сниматься, и прошло почти полмесяца с тех пор, как они виделись. К счастью, съёмки закончатся завтра, если же гэгэ не вернётся, то он, собравшись с мыслями, сам полетит к съёмочной группе в качестве гостя.

Подумав о Шэнь Цзицзе, Лу Жун забыл о песне, вытянул копыта и пошарил рядом с собой, пытаясь дотянуться до пульта управления, дабы выключить стереосистему. Поиски не увенчались успехом, но музыка резко оборвалась, как будто кто-то неожиданно закрыл его в банке.

Он открыл глаза и с интересом посмотрел на человека, стоявшего перед ним. Глаза были тёмными и глубокими, наполненными сильной нежностью и радостью.

После нескольких секунд оцепенения белый олень с криком вскочил с шезлонга и от неожиданности бросился в объятия Шэнь Цзицзе, крепко обхватив его копытами за шею.

Шэнь Цзицзе умело обнял его обеими руками, наклонился и поцеловал в мохнатую морду,

затем быстро повернулся обратно и поцеловал его в волосы.

Мех белого оленя превратился в нежную и светлую кожу, блестящую на солнце, а два серебряных рога растворились в воздухе, от ветра нежные чёрные волосы мягко развевались.

Лу Жун закрыл глаза, его ресницы цвета воронова крыла слегка дрожали, он позволил Шэнь Цзице пососать свои мягкие красные губы. В этом долгом поцелуе он чувствовал глубину чужих мыслей и любви.

Сяо Гао выпрямился на шезлонге и посмотрел на них с серьёзным выражением лица, убедившись, что они не дерутся, он медленно спрыгнул и пошёл вниз, чтобы поискать дедушку Цая, готовящего еду.

Во дворе виллы раскинулись овощи, листья которых усыпаны каплями воды, несколько пчёл, жужжа, слетелись на цветную капусту, светило солнце, а годы их тянулись долго-долго...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326888>